

Стренковский Сергей Петрович

НЕМАГДЕБУРГСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В ПРАВЛЕНИЕ ВЛАДИСЛАВА IV

В статье исследуется одна из моделей самоуправления городов Великого княжества Литовского, появившаяся в правление короля Владислава IV. Ввиду того, что в данной модели присутствуют внешние атрибуты магдебургского права, предлагается именовать её псевдомагдебургской. Отличительными чертами её были наличие войта, обладавшего ограниченной судебной властью, и бурмистра, выполнявшего ряд распорядительных функций. Обращено внимание на постепенную эволюцию данной модели в сторону магдебургского самоуправления.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-1/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. I. С. 170-172. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(476)

В статье исследуется одна из моделей самоуправления городов Великого княжества Литовского, появившаяся в правление короля Владислава IV. Ввиду того, что в данной модели присутствуют внешние атрибуты магдебургского права, предлагается именовать её псевдомагдебургской. Отличительными чертами её были наличие войта, обладавшего ограниченной судебной властью, и бурмистра, выполнявшего ряд распорядительных функций. Обращено внимание на постепенную эволюцию данной модели в сторону магдебургского самоуправления.

Ключевые слова и фразы: городское самоуправление; магдебургское право; немецкое право; войтовское самоуправление; войт; бурмистр; привилегия.

Сергей Петрович Стренковский, к.и.н.

Кафедра управления

Минский городской институт развития образования

strenkovskii@minsk.edu.by

НЕМАГДЕБУРГСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В ПРАВЛЕНИЕ ВЛАДИСЛАВА IV[©]

Исследование самоуправления белорусских городов эпохи феодализма имеет глубокие корни. Однако основное внимание традиционно уделялось вечевому и магдебургскому самоуправлению. При этом отдельные исследователи затрагивали в своих работах вопрос наличия моделей самоуправления, не связанных с магдебургским и хелминским правом. Так, В. Д. Дружниц, затрагивая в своей работе в основном магдебургские войтовства, иногда упоминает и те войтовства, которые не были основаны на немецком праве [1]. З. Ю. Копыцкий считал, что иногда магдебургским грамотам предшествовали «особые уставы, выдававшиеся в ходе так называемой волочной померы» [3, с. 23]. При этом исследователь отмечал, что власть войта без магдебургского права – это характерная черта восточно-белорусских городов в условиях сложившейся уже системы самоуправления, а также, что особенностью востока Беларуси была выборность войтов [Там же, с. 89, 92].

В. А. Мацейовский, рассматривая города «Литвы», т.е. всего Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ), писал, что до получения магдебургского права они имели управление в лице войта, а местечки ВКЛ, которые редко пользовались магдебургским правом, всё же имели льготы [11]. С. Александрович отмечал, что «элементы самоуправления иногда появлялись перед получением городских прав» [9]. Ю. Бардах упоминал наличие городов, которые не имели магдебургского права, но приближались к привилегированным городам в повинностном отношении и наличии войтовской организации власти. Одним из этапов получения городских прав он видел отделение города от волости, определённое экономическое упорядочение, введение войтовства [10, с. 27-29, 31, 33, 39, 40, 45, 50].

В XV-XVI веках складывается уставная войтовская модель самоуправления городов ВКЛ [8]. В XVII веке появляется ещё одна модификация последней, которую мы считаем правомерным назвать «псевдомагдебургской», так как 2 главных лица городского самоуправления здесь носят те же названия, что и в магдебургском праве: «войт» и «бурмистр». Причём и функции их напоминают немецкое право. Впервые данная модель была затронута нами при изучении самоуправления городских поселений в великокняжеских владениях западной Беларуси [6]. С течением времени был выявлен ряд привилегий, которые вводили сходную форму самоуправления и в других местах. Все они относятся ко времени правления польского короля Владислава IV. Следует отметить, что городская политика данного правителя была достаточно активной. В его правление получили магдебургское право Кричев и Логишин (1633 год), Чаусы, Мстиславль, Толочин, Бельнич и Бешенковичи (1634 год), Ружаны (1637 год), Дивин и Ясенёвка (1642 год), Малеч и Улла (1645 год). Было возвращено магдебургское самоуправление Витебску (1641 год) [7, с. 74-81]. Подтверждались и уставы предыдущих королей на войтовское самоуправление (к примеру, Мяделю) [5, д. 106, л. 610 об. - 611].

Такое внимание к городам было продиктовано, в первую очередь, политическими и финансовыми проблемами государства: войнами с Москвой, волнениями православного населения, казаков и т.д. Именно к этому периоду относится и дарование привилегий на псевдомагдебургское самоуправление.

Так, 19 февраля 1633 года король Владислав IV, подтверждая ранее данные его отцом Сигизмундом III привилегии Мотоля, а именно увольнение от «всяких повинностей и налогов, а особенно подвод», уделяет внимание вопросам организации самоуправления данного местечка. Желая привести «в лучший порядок местечко Мотольское» в Пинском повете ВКЛ, король предписывал, чтобы староста назначил войта и направил его на конфирмацию [Там же, л. 77-78]. Войт должен был «всякие суды, по какому бы ни было делу, происшедшему между мещанами, судить, выносить решение и карать». Не оговаривается, по каким именно делам войт осуществлял правосудие. Можно допустить, что это были и гражданские, и уголовные дела. Апелляция могла направляться старосте или замковому суду. Должность бурмистра устанавливалась «не для судов, но для порядка и услуг общественных как слугам и коморникам нашим, так и солдатам». Его также должен был

«подавать» пинский староста либо его наместники. Однако документы говорят, что в Мотоле в назначении должностных лиц принимала участие и община. Так, при назначении войтом Семёна Баберовича отмечено: «имея при этом согласно от всех отмеченную способность к войтовству» [4, л. 878-883 об.]. В грамоте 1701 года на войтовство Николаю Влошку отмечена его «вольная и согласная элекция мешанами» [5, д. 150, с. 195]. Данную систему самоуправления подтверждали Мотолю короли Ян Казимир, Михаил Вишневецкий, Ян Собеский, Август III [Там же, д. 174, с. 656-680].

Аналогичная модель самоуправления была установлена в местечке Дивин Брест-Литовского воеводства по грамоте того же Владислава Вазы 15 февраля 1641 года [Там же, д. 113, л. 599 об. - 600]. Король, подтверждая данные поселению торговые привилегии (право на проведение ярмарок и торгов, пропинацию и пр.), для того «чтобы это местечко в порядке как можно лучше утверждено было», разрешил мешанам из своей среды выбрать войта и бурмистра. В должности их утверждал брестский эконо. Войт и бурмистр могли судить все текущие («поточные») дела, возникавшие между мешанами. Апелляция направлялась брестскому эконому. При этом оговаривалось, что дела «главнейшие напрямую к нему должны направляться». Под «главнейшими» имелись в виду уголовные дела. Кроме того, войт и бурмистр должны были «порядок всякий в том же местечке стеречь». Как видим, в отличие от Мотоля, функции войта и бурмистра в Дивине точно не разграничивались.

Привилегия Владислава Черикова в Могилёвском повете 15 февраля 1641 года вводит выборных войта и бурмистра, «чтобы это местечко в порядке как можно лучше утверждено было», как и в Дивине. Они также могли рассматривать лишь текущие дела, направляя важнейшие могилёвскому эконому [2, с. 258-259]. Однако привилегии на войтовство в Черикове Погоржельскому и Атрошкевичу не говорят, были ли они выбраны самими мешанами [5, д. 114, л. 208 - 208 об.; д. 118, л. 181 - 181 об.]. Повторная привилегия последнему 5 февраля 1649 года говорит, что войтовство пожаловано ему за заслуги в борьбе против казаков и понесённые потери (утратил имущество, потерял жену и детей) [Там же, д. 123, л. 187 - 190 об.]. К слову, в первой привилегии 24 февраля 1643 года мы находим подтверждение положений основной грамоты 1641 года, которую зачастую принимают за магдебургскую фундаментальную привилегию. Хотя здесь и говорится о «прерогативах и доходах, более широко в привилегии на право магдебургское» отражённых, однако таковой, датированной более ранним сроком, пока не найдено. А далее названная грамота почти дословно повторяет содержание привилегии 1641 года. Войт имеет право вместе с бурмистром «все дела текущие с вольной апелляцией судить, а главные к администратору могилёвскому отсылать, власть всякую и добро общественное этого местечка беречь, чтобы убогие люди, подданные наши, справедливость без задержки получить могли». Если бы войт злоупотреблял своей властью, то обиженные могли обратиться к эконому, который должен был «форум назначить».

Интересно, что, несмотря на то, что мешане Черикова принимали активное участие в «ребеллии казацкой», «казаков своевольно к себе приняли», на различные сёла нападали, а также «различные махинации к разрушению Могилёва и иных городов» предпринимали, они не были лишены своих прав. Местечко лишь утратило часть своих земель. Так, пану Величко, пострадавшему от казаков и мешан, отошло 20 волок [Там же, л. 13]. Права же Черикова наоборот расширились. Король Яна Казимира 31 декабря 1649 года расширил права войта и бурмистра, позволив им судить «главные всякие дела», т.е. сделал подсудными им уголовные дела. В качестве помощи войту и бурмистру мешанам было разрешено выбирать «для власти городской и судов» 2 радцев и 4 лавников. Таким образом, в городе появился, по сути дела, аналог магдебургского магистрата. Однако он находился в подчинении местной администрации ВКЛ и не имел права использовать в качестве источника права магдебургские статуты. Сохранялось право апелляции от решений городского суда к могилёвскому эконому, в том числе и по уголовным делам. Также войту разрешалось собирать с мешан чинш и самостоятельно отвозить его в могилёвский замок [Там же, л. 234 - 234 об.].

Следующая привилегия Яна Казимира 2 марта 1654 года разрешила мешанам Черикова апеллировать не к эконому, а непосредственно в задворный ассессорский суд ВКЛ, отвозить собранные налоги не в могилёвский замок, а непосредственно к земскому подскарбию ВКЛ, а также освободила от ряда военных повинностей [Там же, д. 129, с. 123-124]. Таким образом, Чериков приближался к статусу магдебургских городов.

Следует отметить, что Мотоль пользовался названной моделью самоуправления до разделов Речи Посполитой (хотя привилегии 1701 и 1746 года на должность войта в Мотоле говорят соответственно о «юрисдикции магдебургской» и «судах магдебургских войтовских») [Там же, д. 150, с. 195; д. 174, с. 615-618]. Дивин же в 1642 году, а Чериков в 1688 году получили магдебургское право [7, с. 79, 83].

Таким образом, можно констатировать существование в городах ВКЛ псевдомагдебургского самоуправления в период правления Владислава Вазы, что ввиду наличия в это время также магдебургского и уставного самоуправления говорит о плюрализме его моделей, существовавших в ВКЛ. Главными должностными лицами в нём были войт и бурмистр с ограниченными судебными и административными правами. Другой особенностью было отсутствие юридически закреплённой возможности использовать в суде нормы магдебургских кодексов права. В отличие от городских поселений, пользовавшихся магдебургским правом, городское самоуправление названных городов находилось в подчинении местной поветовой администрации - воевод, старост, экономов и пр. Со временем полномочия должностных лиц псевдомагдебургского самоуправления расширялись, появлялись новые должности, что приводило ко всё большему сходству с магдебургским самоуправлением и иногда к дарованию последнего.

Список литературы

1. Дружыц В. Д. Войты і іх улада ў беларускіх месцах з магдэбургскім правам. Мінск: Інбелкульт, 1928. 58 с.
2. Историко-юридические материалы, извлечённые из актовых книг губерний Витебской и Могилёвской, хранящиеся в Центральном архиве в Витебске. Витебск, 1882. Вып. 13. 530 с.
3. Копыцкий З. Ю. Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI - первой половине XVII в. Минск: Наука и техника, 1975. 191 с.
4. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1733. Оп. 1. Д. 40.
5. Там же. Ф. КМФ-18. Оп. 1.
6. Стрэнкоўскі С. П. Градское самакіраванне ў вялікакняжацкіх уладаннях заходняй часткі ВКЛ ў XV - XVIII стст.: аўтарэф. дыс. ... к. гіст. н. Мінск: БДПУ імя М. Танка, 1999. 18 с.
7. Стрэнкоўскі С. П. Прывілей і вольнасці беларускіх гарадоў з нямецкім правам у канцы XIV - канцы XVIII стст. Мінск: МГІРА, 2008. 251 с.
8. Стрэнкоўскі С. П. Самакіраванне беларускіх гарадоў, не звязанае з нямецкім правам, у XV - XVIII стагоддзях // Весті БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. 2009. № 1. С. 9-13.
9. Aleksandrowicz S. Powstanie i rozwój miast województwa Podlaskiego // Akta Baltiko-Sławika. 1964. № 1.
10. Bardach J. Miasta na prawie magdeburskim w Wielkim Księstwie Litewskim od schyłku XIV do połowy XVII wieku // Kwartalnik historyczny. 1980. R. 87. № 1.
11. Macejowski W. A. Historia miast i mieszczan w krajach dawnego państwa polskiego od czasów najdawniejszych aż do połowy XIX w. // Roczniki towarzystwa przyjaciół nauk poznańskiego. 1890. T. XVII. Z. 2.

**NON- MAGDEBURG SELF-GOVERNMENT OF URBAN SETTLEMENTS
OF GRAND DUCHY OF LITHUANIA DURING VLADISLAV IV REIGN**

Sergei Petrovich Strenkovskii, Ph. D. in History
Department of Management
Minsk Urban Institute of Education Development
strenkovskii@minsk.edu.by

The article researches one of the models of the self-government of the towns of Grand Duchy of Lithuania which appeared during the reign of the king Vladislav IV. As this model has external attributes of Magdeburg law it is suggested to call it a pseudo-Magdeburg one. Its characteristic features were the presence of vogt who had limited judicial authority and of bailiff who performed the range of executive functions. Special attention is paid to the graduate evolution of this model towards Magdeburg self-government.

Key words and phrases: municipal government; Magdeburg law; German law; vogt self-government; vogt; bailiff; privilege.

УДК 316.77

Повышение значимости социальной коммуникации в функционировании современного социума актуализирует разработку методологических средств философской рефлексии данного феномена. В статье исследуются специфика социокультурного анализа социальной коммуникации. Как актуальные методологические ориентиры автор характеризует ценностно-аксиологическую, морально-этическую и лингвокоммуникативную парадигмы, их конструктивное, прагматическое и гуманистическое содержание.

Ключевые слова и фразы: социальная коммуникация; коммуникативное сообщество; коммуникативные практики; коммуникативное действие; социокультурный анализ; ценностно-аксиологическая, морально-этическая и лингвокоммуникативная парадигмы.

Елена Юрьевна Стриганкова, к. филос. н., доцент
Кафедра философии
Поволжская академия государственной службы им. П. А. Столыпина
English@pags.ru

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ КОММУНИКАЦИИ:
СТАНОВЛЕНИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ[©]**

Начало XXI века порождает новые факторы, которые оказывают существенное влияние на человеческую культуру. Среди этих факторов доминирующим является созданная уже сегодня система коммуникации, изменяющая как характер общечеловеческой культуры, так и межкультурное общение. Современные процессы информатизации общества приводят к изменению всей системы коммуникации, реализуемой между отдельными людьми и во всей культуре в целом, то есть между странами и народами.